

556/45r

К Р О К О Д И Л

№ 6—7 МОСКВА 1945

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА»

ГОД ИЗДАНИЯ XXIV

ЦЕНА НОМЕРА — 1 РУБ. 60 КОП.

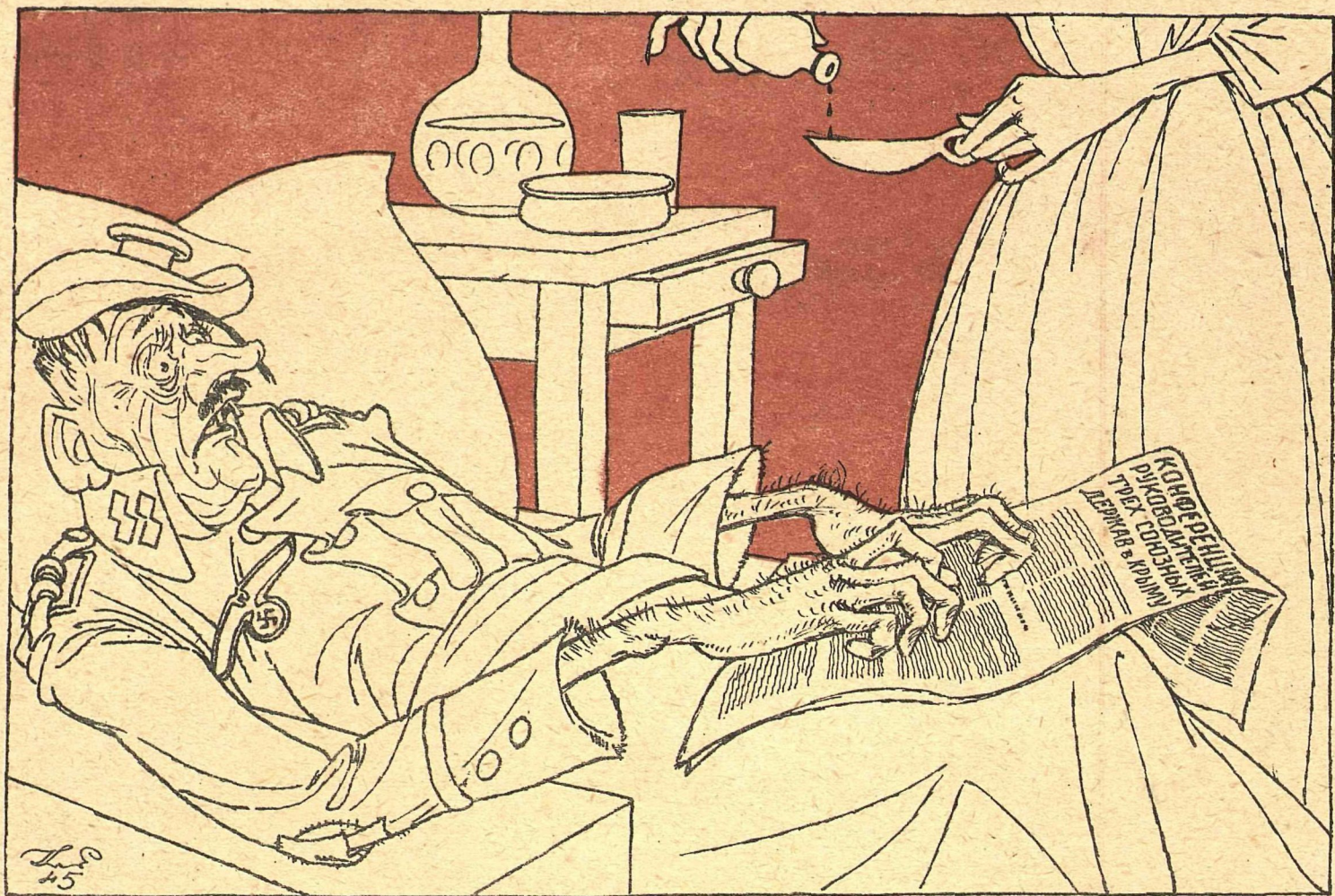

Рис. М. Черемных

П О П У Т И

— Эй, кому на Берлин?.. Подвезу!..

Рис. К. Елисеєва

— А ещё говорят, что Крым — это здравница!..

ДОНЕСЕНИЕ О СОСТОЯНИИ НЕМЕЦКОГО ТЫЛА

Товарищи бойцы! Разрешите обратиться и доложить:

Общее положение

Где находится в настоящий момент гитлеровский тыл, — установить не удалось.

Некоторые гаулейтеры и бургомистры думали, что у них еще есть тыл, и, потеряв от страха голову /в переносном смысле/, пустились наутек из Померании и Силезии, но оразу попали в об"атля к Гиммлеру и окончательно потеряли голову /в буквальном смысле/.

Потеряли голову /пока еще в переносном смысле/ и фашистские главари. Они пред"являют вам, товарищи бойцы, обвинение в том, что вы в своем наступлении переходите всякие границы /в буквальном смысле/.

Красная Армия — в Восточной Пруссии, Силезии, Померании, Бранденбургской провинции. И скоро — ни в переносном, ни в буквальном смысле слова — нельзя будет сказать о вашей Н-ской части: "Молода-зелена и в Саксонии не была". До Саксонии — рукой подать /в переносном смысле/, то-есть осталось пройти всего несколько десятков километров /в буквальном смысле/.

Погода в Германии

Теплая, солнечная погода в Крыму повлияла на погоду в Германии. Мороз продирает немца по коже. Метель и фрицепед замел все дороги. Не видно — ни зги, ни Украины, ни Польши, ни Будапешта, ни резервов. —Труба! — вóит берлинские радиокомментаторы.

Дороги в Германии

В Германии широкие и большие дороги. Недаром немцев называют разбойниками с большой дороги.

Сейчас по этим дорогам бегут немцы с берегов Одера, Бобера и т. д. Вообще нет такого берега, где бы в эти дни не сверкали арийские пятки. Вот почему говорят, что Михели заболели водобоязнью и беженством.

Русью скачут беженцы и испуганно бормочут по-немецки: "На Дрезден!" "На Мюнхен!", "На Берлин!"

По тем же дорогам идут русские солдаты и весело говорят по-русски: "На Дрезден!", "На Мюнхен!", "На Берлин!"

Большое оживление на дорогах Германии!

Население Германии

См. о нем в разделах "Погода" и "Дороги". Но лучше не см. Противно см. на гитлеровское стадо.

ЗаклЮчение

Товарищи бойцы! Ввиду всего вышесказанного, разрешите еще раз обратиться и доложить: горячо поздравляю вас с праздником!

Кривокоды

ОТ СОБСТВЕННОГО
КОРРЕСПОНДЕНТА

БЕРЛИН. В связи с 27-й годовщиной Красной Армии немецким командованием спешно проводится всегерманский кросс на быстроту и дальность. В беге принимают участие восточно-прусские, силезские, померанские, бранденбургские, саксонские команды и масса гражданского населения. Кросс проходит с большим успехом. Уже поставлено много рекордов.

БЕРХТЕСГАДЕН. Ставка Гитлера сообщает, что немецкий гарнизон в Познани, наконец, вышел из окружения и, сопровождаемый русскими конвоирами, двинулся на Восток, где скоро соединится с гарнизонами Будапешта и Шнейдемуля.

ДРЕЗДЕН. Выставочный сезон в разгаре. Дрезденская художественная галерея пополнилась новыми экспонатами: немцами-беженцами, выставленными из Силезии. Готовится выставка дрезденского населения в Мюнхенскую галерею.

ЛОНДОН. В беседе с представителями печати пан Арцишевский категорически опроверг утверждение, что в результате решений Крымской конференции он и его коллеги остались при пиковом интересе. «Это не соответствует действительности, — заявил пан Арцишевский, — так как всем известно, что мы остались на бобах».

СТОКГОЛЬМ. Здесь передают, что шведское военное министерство готовит ноту, в которой приносит извинение германскому командованию за обстрел зенитными батареями Швеции немецкого самолета. «Данное нарушение нами нейтралитета, — говорится в ноте, — вызвано было исключительно плохой видимостью: из-за тумана немецкий самолёт был принят за английский».

ВЕРЕНИЦА тягачей с прицепленными к ним орудиями остановилась на заправку в занятом накануне небольшом городке Экен в Померании.

Артиллерия спешила, что явствовало из свежей и точной надписи на теле громадного трофейного бензиновоза: «Вперёд, в логово зверя!» Бывший немецкий бензиновоз акуратно заливал бывший немецкий бензин в баки русских тягачей.

Связной майора Морозова ефрейтор с вполне подходящей к его веселому нраву фамилией Вася Приставка озорными глазами окидывал расположение освобождённых от пруссаков одноэтажных домов и вдруг крикнул артиллеристам, разминавшим окаменевшие ноги:

— Ребята, глядите! Она! Наша непромокаемая!

Артиллеристы ещё не знали, в чём дело, но уже улыбались, зная, что весельчак Приставка даром слова на холодный, пронизывающий ветер, дувший с Балтики, не бросает.

— Вот! — указывал Приставка на окно домика на противоположной стороне улицы.

— Она! — хором крикнули наводчики и заряжающие.

Приставка лихо ударил ладонью по ушанке и, манерно размахивая руками, побежал к окну. За ним гурьбой понеслись артиллеристы.

Над окном они увидели знакомые цифры «48767», крупно выведенные чёрной краской на жёлтом фанерном щите. Краска уже достаточно облупилась, и на углах полевой вывески были следы многочисленных гвоздей. На сей раз в углах окрашенного щита торчали четыре ковочных гвоздя. Гвозди были вбиты неглубоко, полевая почта твёрдо знала, что ей в этом померанском городке долго задержаться не придётся: впереди лежат более интересные населённые пункты.

— Надо зйти, — подмигнул Приставка своим товарищам. — Нет ли мне письмеца от моей старухи?

Артиллеристы дружно засмеялись. Дело в том, что ещё год назад их крупнокалиберная артиллерийская часть была придана как средство усиления другой армии и ввиду этого они распрощались со своей старой полевой почтой, с которой они шли рука об руку ещё с декабря 1941 года, с момента славного освобождения Тихвина. Откуда же здесь, на этой почте, могло быть письмо Приставке?

И вообще. Васе Приставке, кроме его дяди, кассира районного банка, никто писем не писал. Весёлый смех друзей ещё более подзадорил Васю, и он в сопровождении своих товарищей вошёл в домик.

За перегородкой, сооружённой из немецких комодов и прочей неподвижной для стремительного драпа мебели, Приставка увидел девушку-сержанта. Вася вежливо и с не соответствующим уставу поклоном приложив ладонь к ушанке. Для начала он сказал:

— Нет ли для меня экстренных телеграмм или писем? Что-то моя милая давненько не пишет. Вы не знаете, почему?

— Фамилия? — строго спросила девушка-сержант.

— В таком случае — Приставка, — ответил Вася, игриво озираясь на своих коллег. — Если более точно требуется, то Василий Андронович.

Дальше случилось то, чего никто из артиллеристов не ожидал.

— Ефрейтор Маша, — громко сказала сержант, — посмотри в большом ящике. Поищи там Приставку, его, кажется, недавно в архив сдали.

— Ой, Вася, дожил! В архив сдали, — огорчился Приставка.

Грянул залп смеха и шуток. Но в эту минуту из соседней комнаты вышла ефрейтор Маша и протянула Приставке сероватый конверт, на котором рядом со многими штемпелями было ясно обозначено: «ППС-48767. Василию Андроновичу Приставке». А ниже: «Плужанское отделение Госбанка».

Артиллеристы, взглянувшие на конверт через васино плечо, деловито заметили:

— Не иначе, как банк с тебя задолженность по сельхозкредиту требует.

Приставка молча распечатал конверт и не без тревоги пробежал короткое письмо. Тут же к нему вернулось его задорное настроение.

— Вот друзья! — крикнул Приставка и бросился с письмом на улицу.

Он бежал к своему «Виллису», а за ним неотступно следовали артиллеристы. Усевшись в машину, Приставка собрал побольше народу и стал читать. Он знал, что письмо будет иметь успех.

— «Дорогой наш воин Красной Армии, — читал Приставка, — наш коллектив служащих Госбанка поздравляет вас и ваших боевых товарищей с доблестной 26-й годовщиной Красной Армии...»

— Что они там, очумели?! — крикнул кто-то из аудитории. — Через шесть дней наступает 27-я годовщина, а они... 26-я.

— Тихо, — начальственно приказал Вася, — слушайте дальше:

— «Также поздравляем вас, дорогой товарищ Приставка, с освобождением Новгорода, древнего русского города и важного хозяйственно-политического центра...»

— Вспомнили! — опять заметил один из нетерпеливых слушателей. — Мы после Новгорода два раза моторы меняли, всю Прибалтику и Польшу освободили, до Берлина подходим, а они Новгород... Вот друзья!

— Наверное, в этом банке плохо учёт поставлен, — заметил весь промасленный и чёрный от копоти водитель тягача.

А Приставка всё читал письмо и приберегал эффект.

— «Желаем вам, товарищи артиллеристы, — читал Вася, — довести ваши пушки до Берлина и дать по нему возможное количество «салютов» из всевозможных орудий, чтобы проклятые немцы вспомнили Ленинград и другие советские города. С комсомольским приветом от имени коллектива председатель месткома Мария Самарина».

Приставка сделал паузу и громко и значительно произнёс:

— «Плужанск. 9 февраля 1944 года».

— Вот полевая почта работает! Целый год письмо мариновала, — не унимался водитель тягача.

— При чём тут полевая почта, когда наша тяжёлая артиллерия носится по фронту, как нелёгкая, — сказал Вася. — Ты погляди, на какой ППС я письмо получил. Год назад, как мы от неё открепились, а она всё время моё письмо хранила. Вот друзья! — и Приставка величественно протянул руку в сторону фанерного щита.

— Елки-палки! Бывшая наша! 48767, — хором прочли водители.

Майор М. ЭДЕЛЬ

Действующая армия.

Говорят...

1
Говорят, Гудериан завывает, дик и рыан: — Господи! Внимание — танки! Слева мчатся танки янки, с ними танки англичан, справа едут русских танки! Взвыл и с горя выпил чан валерьянки-гудерьянки.

2

Говорят, что Гитлер хочет изменить свои черты. Лейб-хирург свой ножик точит, приготовлены бинты. Пересажен на нос пуп, вставлен чуб на место губ. Недоволен Гитлер всё же Переделкою лица: непохоже, но по роже сразу видно подлеца!

3
Говорят, что после «Фау» немец создал «Мяу 2». Очень нравились в Бреслау эти новые слова. С криком «Мяу, мяу!» фрау хочет вылезть из Бреслау. Но, увы, сия жена. Со всех сторон окружена. Невесёлые дела у немцев в городе Бреслау.

4

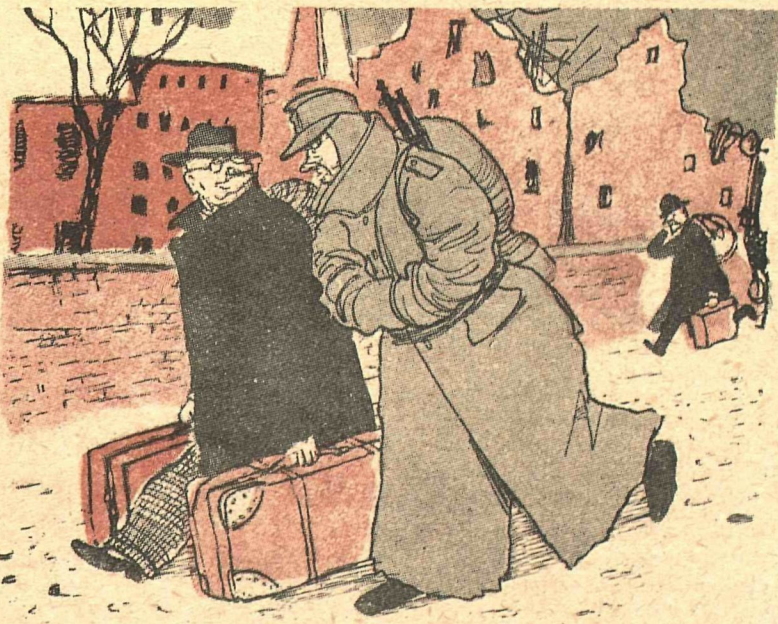
Говорят, что немцы всюду запретили календарь. Числа портят им желудок: что ни дата, то удар! Что ни дата, то расплата: то удар у Сталинграда, то Днепровская петля, и в особенности дата славы красного солдата — Двадцать третье февраля!

С. КИРСАНОВ

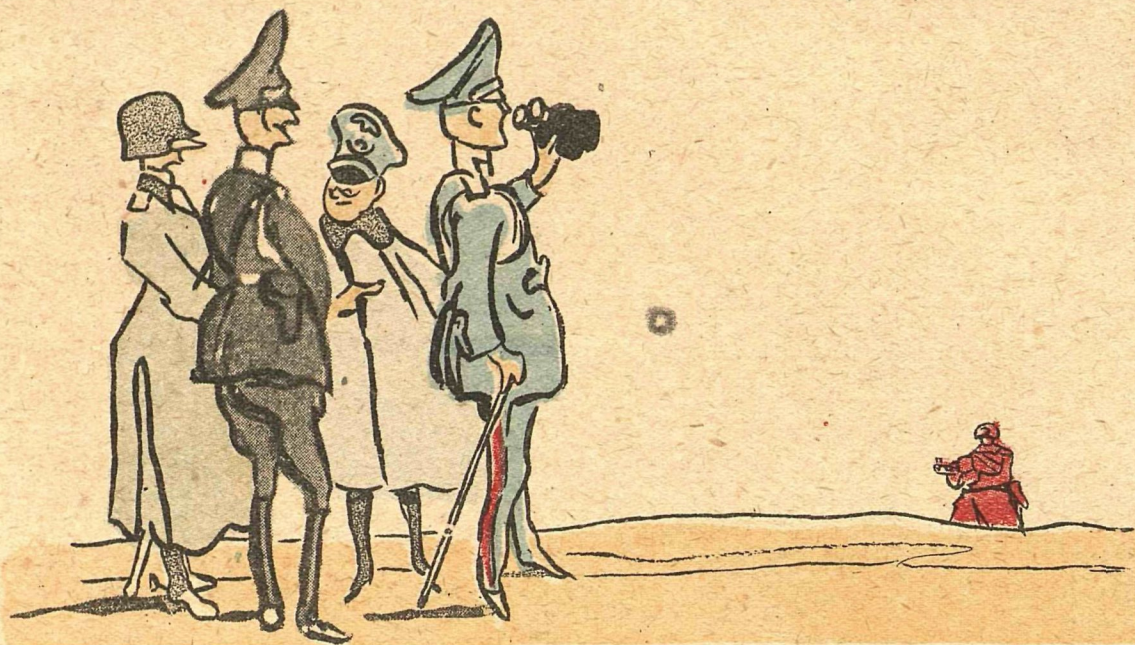
САМОЕ ГЛАВНОЕ

Рис. А. Каневского

— Что самое главное в этой войне, герр фельдфебель, — танки?

- Нет!
- Самолёты?
- Нет!
- Так что же?
- Выжить!

— Посмотрите, господа, на этого маленького русского солдата, — говорили немецкие генералы в 1941 году, — мы с ним расправимся в два счёта...

— Странно, он, оказывается та несколько позже...

Хладнокровие

— Вы просите рассказать примечательный случай из моей боевой жизни? Много со мной всякого происходило: от Сталинграда до Германии без примечательных случаев не дотопаешь. Только забыл я уже половину, а привычки записывать всё примечательное у меня нет, поскольку я не писатель, а гвардии ефрейтор Сапожков Никанор Ильич!

Впрочем, вот недавно... в одной немецкой деревне, здесь, в Восточной Пруссии, произошёл со мной примечательный случай. Он тем примечателен, что я первый раз за всю войну потерял, можно сказать, в боевой обстановке хладнокровие.

Должен вам заявить, что в бою я держу себя исключительно хладнокровно.

Мне иногда самому кажется загадочным, откуда у меня, человека в общем тихого и мирного, это железное хладнокровие.

Думаю, от того, что до войны я был... несчастен в любви!.. Не смейтесь: очень может быть, что и оттуда!..

Я до войны учился в горном техникуме в Казахстане и довольно часто влюблялся.

И каждый раз неудачно. Только, бывало, начну ухаживать за девушкой с серьёзными намерениями, как она — бац! — выходит замуж... за другого парня.

Наши студенты и в особенности студентки смеялись над моими любовными неудачами, называя меня «слабым действующим средством для засидевшихся невест», но я, закаляя свою волю, хладнокровно переносил все эти насмешки.

Может быть, именно от этой привычки держать себя на короткой узде и повелось моё хладнокровие.

А может быть, это и не так... Вы писатель, сообразайте сами...

Так вот вели мы бой за одну немецкую деревню — забыл название, — недалеко от города Инстербурга, в Восточной Пруссии. Немцы огрызались свирепо и вели такой сильный пулемётный огонь, что заставили нас прижаться к земле.

Выручила нас наша боевая подруга — самоходка. Выкатилась на открытую позицию и хладнокровно «дала жизни» немецкому доту. Пулемёты его замолчали, а тогда мы поднялись и без особых трудов тоже довольно хладнокровно вышибли немцев из деревни. Они откатились на следующий рубеж. И получилось так, что наш батальон остался в резерве и расположился на отдых в этой самой деревне.

И вот заходим мы (мы — это Николай Максимович Машков, автоматчик, человек пожилой и серьёзный, и мой друг сержант Вася Легоньков) в один пустой дом и видим, что немецкая птичка упорхнула из своего гнездышка какой-нибудь час назад.

Всё находится в полном порядке и на своих местах. Даже плита на кухне ещё не остыла. И эмалированный кофейник с кофеом красуется на этой плите. А на столе, накрытом чистой скатертью, стоят тарелки. На одной лежит небольшой, но очень аппетитный кусок румяного свиного сала, на другой — варёный картофель в мундире, а на третьей — нарезанный ломтями хлеб. В самом центре стола, на его командном пункте, стоит бутылка со шнапсом — немецкой водкой.

Должен вам заявить, что у меня есть ещё одна особенность в характере: я после боя обязательно должен плотно закусить. Пока я не покушаю, я буквально не нахожу себе места на земле: такой у меня разыгрывается волчий аппетит во время сражения... Странно, правда?.. Я думаю, что это у меня от моего хладнокровия. А, может быть, и не от него... Вы писатель, сообразайте сами...

При виде угощения я прихожу в восторг, но Николай Машков хватает меня за воротник полубочка и, оттащив от стола, говорит:

— Ты сошёл с ума, Никанор Ильич!.. Это сало, и эта картошка, и этот хлеб, и эта водка — всё отравлено. Немец ловит нас на приманку!

— Хорошо, — говорю я, — а вдруг в этом салe нет отравы? Просто немец убежал, не успев поужинать. Ты представляешь себе, в каких дураках мы окажемся, не поев этого сала!

Тут в спор вступает Вася Легоньков.

— Машков прав, — говорит он, — без медицинского освидетельствования употреблять в пищу эти продукты я, как старший, не разрешаю. Будем кушать, что бог послал!..

— Бог нам послал, — говорю я, — одну пачку пшеничного концентрата на троих.

— Это твой бог послал тебе пшена, а мой бог подберет! — отвечает Вася и достаёт из своего вещевого мешка кусок свиного сала, такого же румяного и аппетитного, как трофейное, что лежит на тарелке.

У Николая Максимовича во фляжке оказалось немного водки, у меня нашёлся хлеб. Короче говоря, мы, повеселев, хладнокровно берём немца за штаны, поднимаем, приносим на кухню и вежливо сажаем на табуретку.

Только мы сели за стол, как вдруг слышим в соседней комнате подозрительный шорох.

Хватаем автоматы, бросаемся туда и видим цивильного немца, вылезавшего из-под кровати.

Вдвоём с Машковым хладнокровно берём немца за штаны, поднимаем, приносим на кухню и вежливо сажаем на табуретку.

Сидит — потный, красный, глаза, как белые мыши: туда—сюда, туда—туда, — и молчит...

— Нет, вот я каков! — воикну кую землю.

Потом увидел на столе сало и замер. Сидит, мумия. Даже глаза остановились.

Вася переглянулся с Машковым, отрезал хороший кусок нашего сала и даёт немцу. Дескать, пошайте, милости просим. Немец кисло улыбается, мотает головой, что-то говорит по-немецки и делит знаки, показывая на своё горло: я, мол, сыт — кушайте сами — битте!..

— Всё ясно, — говорит Вася Легоньков.

Вася снимает с груди автомат и говорит нам — Сейчас я ему дам капель для возбуждения аппетита.

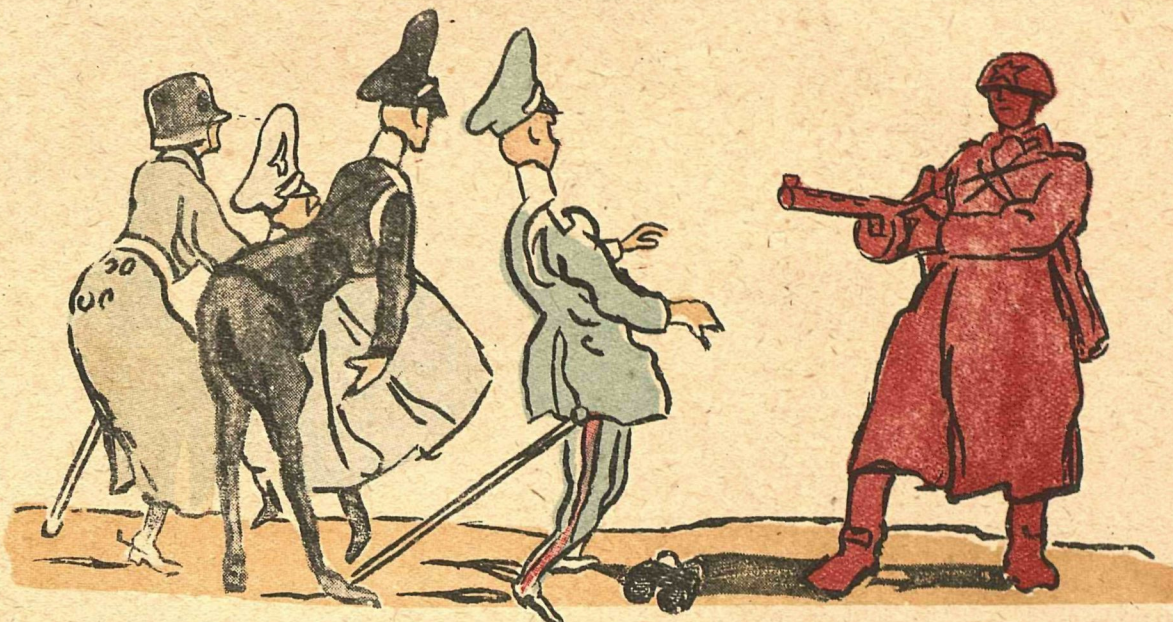
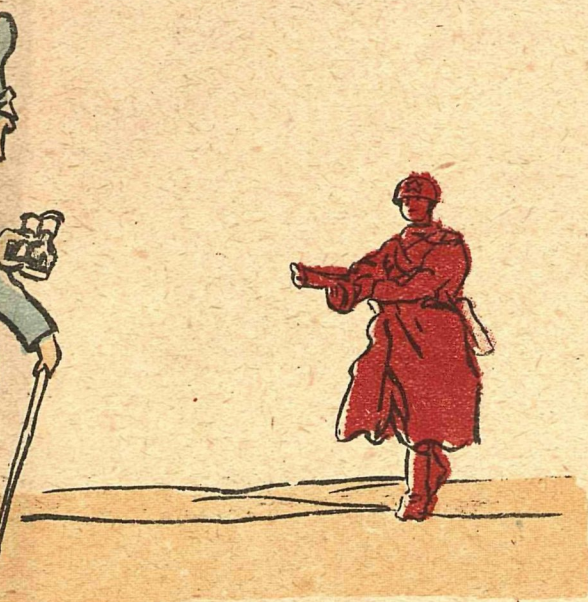
И, наставив на немца автомат, хладнокровно энергичным жестом предлагает отравителю набор: пулю или сало.

Немец выбирает второе.

Давясь и обливаясь слезами, он жуёт наше роое сало, бормоча себе под нос: «Капут! Капут!» Машков говорит:

— Я ему ещё дам.

Отрезает второй кусок — побольше первого и с помощью автомата заставляет немца «отравиться» ещё раз.

кой уж маленький, — сказали они

— Ого! Вот он каков! — бормотали они после Сталинграда...

л русский солдат, вступив на немец-

ВО ВРЕМЯ ПЕРЕКУРА

Бездорожьи. Безлюдье.
Окопы. Неуют.
То заухают орудия,
То мины запоют.

Где фугасом исковеркала
Всю нашу колею,
Санитарка смотрит в зеркало
На молодость свою.

Мы, как будто нас касается,
Доказываем ей:
— Вам бы лучше жить, красавица,
При матери: своей.

Но в ответ — улыбка ясная,
Упрёк, заметный чуть:

— Нет, на это не согласна я;
Потом когда-нибудь.

Задержалась, ветку трогая,
Где мы стояли все...
И ушла путём-дорогою
К передней полосе...

Только след на солнце светится,
И вдаль уходит след...
— Где придётся с вами встретиться?
Ау!.. Ответа нет!..

Мы к махорочке подчалили,
Присели, неспеша
Закурили, помолчали
И... сказали:
— Хороша!

СЕРГЕЙ СМИРНОВ

ОДНАЖДЫ...

КТО НА КОГО?

Однажды греческий полководец Пелопид услышал, как один из его солдат сказал:
— Мы наткнулись на неприятеля...
— А почему не неприятель на нас? — заметил Пелопид.

ЧЕГО НЕ ХВАТАЕТ В ПИЩЕ?

Однажды генерал Драгомиров посетил один из полков и, как полагалось, в первую очередь испробовал пищу:

— Чего-то в этой пище нет, — сказал генерал.
— Позвольте доложить, — растерянно вставил заведующий довольствием, — в котёл положено всё, что полагается по раскладке...

— Не сомневаюсь, — заметил генерал, — но всё же чего-то нет... Подумайте...

Командир и заведующий довольствием не находили ответа.

Тогда генерал взял ложку, ещё раз попробовал пищу и, глядя на офицеров в упор, сказал с укором:

— Нет души! Души нет в пище, господа!

СПАРТАНСКИЙ ОТВЕТ

Однажды после сражения спартанский солдат по имени Андроклид был ранен в ногу.

Узнав, что из-за повреждённой ноги начальник хочет освободить его от военной службы, Андроклид закричал:

— Я думал, что вам нужны солдаты для битвы, а не для бегства!

ТОЧНЫЙ ПЕРЕВОД

Однажды некая переводчица с разрешения Льва Толстого занялась переводом на французский язык романа «Война и мир» и первые переведённые ею главы прислала Льву Николаевичу для одобрения.

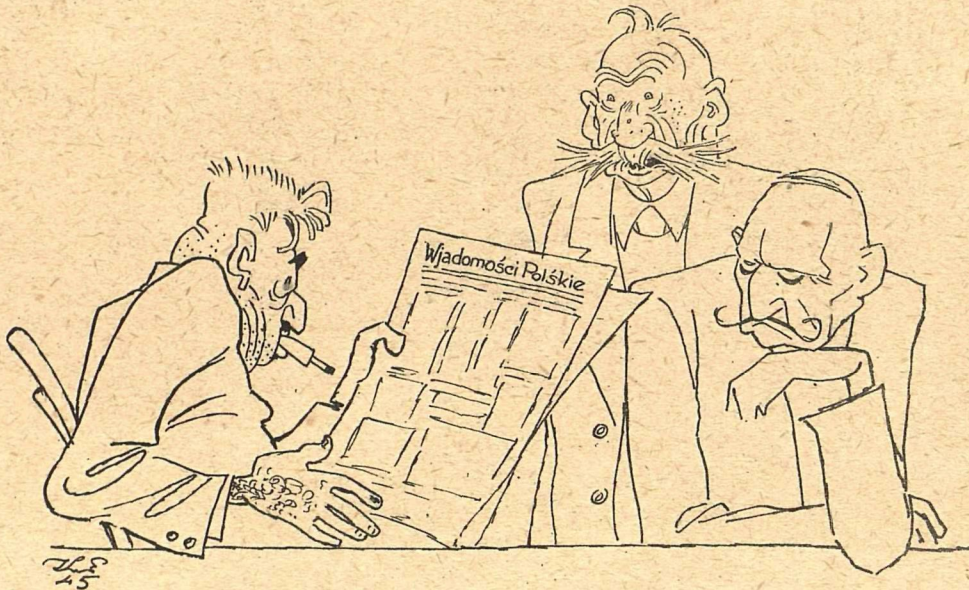
Великий писатель внимательно читал рукопись, но когда дошёл до сцены, где солдаты поют «Ах, вы, сени, мои сени» он пришёл в отчаяние.

Во французском переводе значилось:

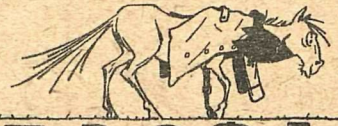
«Ах, вы, вестибулы, мои вестибулы!».

ЛЕОНИД ЛЕНЧ

Рис. К. Елисеева

АРЦИШЕВСКИЙ И ДР.: — Судя по всему, Польшу освободили от немцев, а поляков от нас.

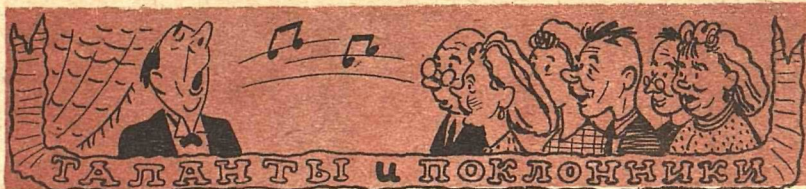

ПРОБЕИ

Трофейный пулемёт стоит.
Примета:
Разведчики опять попали в цель.
У дома дремлет конь.
На нём надета
Зелёная немецкая шинель.
Вошли. Меня обедать посадили.
— Вы что же обижаете коня?
— А что?
Все посмотрели на меня.
— Зачем коня фашистом нарядили?
Все засмеялись:
— Мы тут не при чём:
Трофейный конь —
Трофейное на нём.
А лейтенант Змеёвский рассказал нам,
Что странности имеет этот конь:
Как в тыл поедешь,—
Мчит ураганом,
Как будто бы за ним летит огонь.
К передовой поедешь,—
Шею гнёт,
Всё пятится, поглядывает хмуро.
Без палки он ни шагу не шагнёт.
Заметно всё ж: арийская натура!

МИХАИЛ ЛУКОНИН

Действующая армия.

Говорит Крокодил

ОТДЕЛ «Таланты и поклонники» недавно созвал совещание по вопросу об оживлении работы отдела.

Нельзя сказать, чтобы нам так уж не терпелось оживиться. Но что поделаешь? Так принято.

Многие ораторы критиковали отдел за то, что он ограничивается только юмористическими рецензиями и сатирической хроникой театральной жизни и совершенно не использует такие формы работы, как смотры, конкурсы, декады.

— Почему бы вам, например, не устроить смотр плохих концертных бригад? — говорили одни.

— Или конкурс на худшее драматургическое произведение? — настаивали другие.

— Вот в последнее время прошло много творческих дискуссий и конференций... — указывали третьи. — А если бы организовать декаду самых длинных, скучных и путаных речей об искусстве...

Наконец, кто-то предложил:

— Хорошо бы просто устроить какую-нибудь оригинальную радиопередачу: без концертного ансамбля Пятигорского и без гармонистов. Так сказать, немного встряхнуть эфир...

Эта мысль всем очень понравилась, и вот сегодня в порядке оживления отдела «Таланты и поклонники» и встряски эфира вы услышите пробную трансляцию из редакции журнала Крокодил...

Внимание, редакция будет включена без предупреждения!

ПРОБНАЯ ТРАНСЛЯЦИЯ

Мужской голос. Говорит Крокодил... Говорит Крокодил... Редакционное время — двадцать один час пятнадцать минут по часам ответственного редактора. Передаём письма на театральный фронт.

Женский голос. Художественный руководитель театра Моссовета товарищ Завадский, вам письмо из Москвы:

«Дорогой Юрий Александрович!

Очень обеспокоены тем, что с июня прошлого года не имеем от вас никаких премьер.

Все ваши друзья и поклонники страшно беспокоятся. Надеемся, что ни с вами, ни с вашим театром ничего плохого не случилось, и ждём от вас в ближайшее время подробной «Чайки» (без режиссёрских купюр, как у Таирова).

Поклонники театра имени Моссовета А. и Б..

Мужской голос. Заслуженный артист республики Игрек Н., вам пишет из Покровского-Стрешнева ваша сестра и просит сообщить, что дома всё благополучно: брат Костя уже окончил «Школу злословия» (в постановке МХАТ) и теперь на «Фронте» (в постановке театра Вахтангова), мама и бабушка работают субретками в оперетте, а дедушка, как лишившийся слуха и зрения, перешёл на инвалидность в ВГКО (Всесоюзное гастрольно-концертное объединение), где работает режиссёром...

Женский голос. Вызываем Малый театр... Вызываем Малый театр... Директор театра товарищ Шаповалов, вам телеграмма из Горького:

«До ваших здешних поклонников дошли слухи, что экземпляр пьесы Николая Вирты «Солдаты Сталинграда» утерян и постановка её в Малом театре не может быть осуществлена. Горячо поздравляем театр с большой творческой удачей...»

Мужской голос. Славному юбиляру Ивану Андреевичу Крылову письмо от другого славного юбиляра — Александра Сергеевича Грибоедова:

«Дорогой Иван Андреевич!

Случайно узнал, что на всероссийском совещании работников искусств выступил деятель

репертуарной части Комитета по делам искусств Евгений Данилович Сурков, который заявил, что на столбовой дороге советской литературы и драматургии сатира — только закоулочек, куда не следует особенно рваться писателям.

Было очень обидно и за вас, и за себя, и за Гоголя, и за Чехова, и за Салтыкова-Щедрина, и за Свифта, и за Марк Твена, и за многих других. Но потом вспомнил вашу басню о слоне, которого водили по улицам, и он шёл спокойно, не обращая внимания на некоторые выступления по своему адресу, и успокоился.

Ваш друг и современник

Александр Грибоедов».

Мужской голос. Вызываем Отдел музыкального вещания... Отдел музыкального вещания Всесоюзного Радиокomiteта...

«Дорогие товарищи!

Благодарим вас за тщательно подобранную и разнообразную программу, которая на днях потрясла и умилила нас: в дневной передаче мы услышали певицу Хачатурова, спевшего сначала романс «Не целуй меня», а затем, в некотором противоречии с первым романсом, второй — «Чаруй меня».

А вечером певица Богопольская поступила на оборот: сначала категорически потребовала «Чаруй меня», а потом вдруг запротестовала — «Не целуй меня»...

К сожалению, в ночном концерте почему-то эти романсы никто не пел, а мы уже так привыкли не целоваться и чароваться...

Благодарные радиослушатели».

Женский голос. Начальнику театрального управления Комитета по делам искусств товарищу Калашникову... Слушайте письмо художественного руководителя Московского фронтного театра оперетты Донатова:

«Уважаемый Юрий Сергеевич!

Шлю по радио горячий фронтный привет от себя лично и от всего нашего дружного боевого коллектива. Кругом рвутся бомбы и режут мины. Очень хотелось бы получить от Вас какую-нибудь весточку. Пишите мне на полевою почту № 0000/Ю или просто приходите в клуб им. Калыева в Москве, где мы играем почти ежевечерне с момента основания.

Художественный руководитель московского фронтного театра оперетты Донатов».

Мужской голос. Передача писем на театральный фронт закончена. Через одну-две минуты слушайте жалобы и заявления всех обиженных и задетых в нашей пробной трансляции.

Евг. БЕРМОНТ

Дорогой Крокодил

(ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ)

Дорогой Крокодил!

Нет покоя постояльцам саратовской гостиницы от клопов: «ночи бессонные, ночи безумные» проходят в неустанной борьбе с этими коварными хищниками.

Администрация гостиницы выла столам многочисленных жертв и, изучив до тонкостей клопные повадки, предложила не выключать на ночь электричество, так как доподлинно известно, что клопы боятся света.

Но людской неблагодарности нет предела. Жильцы стали шумно ворчать и жаловаться: раньше они не могли заснуть от клопов, а теперь они никак не заснут при свете.

Подумайте только! Администрация идёт на всё: готова даже нарушить постановление правительства об экономии электроэнергии, а они ещё недовольны.

Как обуздать ворчунов? Помогите саратовским коммунальникам!

В. ПОЛКАРПОВ

г. Саратов.

Уважаемый Крокодил!

Некто Крылов (не баснописец) подал в суд необоснованный иск о выселении инвалида Пантюшова из квартиры, на которую Крылов не имел никаких прав.

Обычное жилищное дело! Но это ясное дело пять раз слушалось в разных участках Таганского суда, пять раз — в Московском городском суде и один раз — в Верховном суде РСФСР.

Неужели иным судебным работникам нечего больше делать, как только разыгрывать в лицах старую сказку про белого бычка?

Д. МИШИН

Москва.

ОТ КРОКОДИЛА. Тов. Мишин! Напрасно вы возмущаетесь. Бывают дела похуже, о чём свидетельствует следующее письмо:

«Товарищ Крокодил!

Отгадай загадку: «Что имеет начало, но не имеет конца?» Впрочем, не ломай голову, я тебе подскажу: это — судебное дело № 12-1237.

Во время эвакуации моих родителей в квартиру, где до войны проживал и я, вселился некто Яхонтов.

Дело о выселении Яхонтова разбирается в народном суде Свердловского района Москвы с 19 мая 1943 года. Оно слушалось в различных инстанциях 24 раза: то не приходил представитель Мосжилотдела, то отсутствовал домуправ. Когда же обе стороны налицо и суд

решает дело в пользу моих родных, Яхонтов всякий раз кассирует приговор.

Неужели иным судебным работникам нечего больше делать, как только разыгрывать в лицах старую сказку про белого бычка?

В. КНОРОЗ»

Полевая почта 55634.

ОТ КРОКОДИЛА. По недосмотру корректора в письмо тов. Кнороз вкрался целый обзац из письма тов. Мишина. Редакция приносит свои извинения, хотя, как убедится читатель, это дела не меняет.

Уважаемый Крокодил!

19 января «Тихоокеанская звезда» широковецательно сообщила своим читателям в заметке «Бандажник-многостаночник», что «обточить сработавшийся бандаж (паровоза) с точностью до одной тысячной миллиметра — дело тонкое и трудное». Добавлю от себя: и ненужное. Потому что точность и в полмиллиметра при обточке бандажа вполне достаточна. Что же касается тонкости и трудности этого дела, то всё зависит от обработки. Если бандаж обтачивать с точностью до тысячной миллиметра на станциях «Тихоокеанской звезды», то это совсем нетрудно. Если же его обтачивать с такой точностью на токарном станке, то просто невозможно.

И. САМСОНОВ,

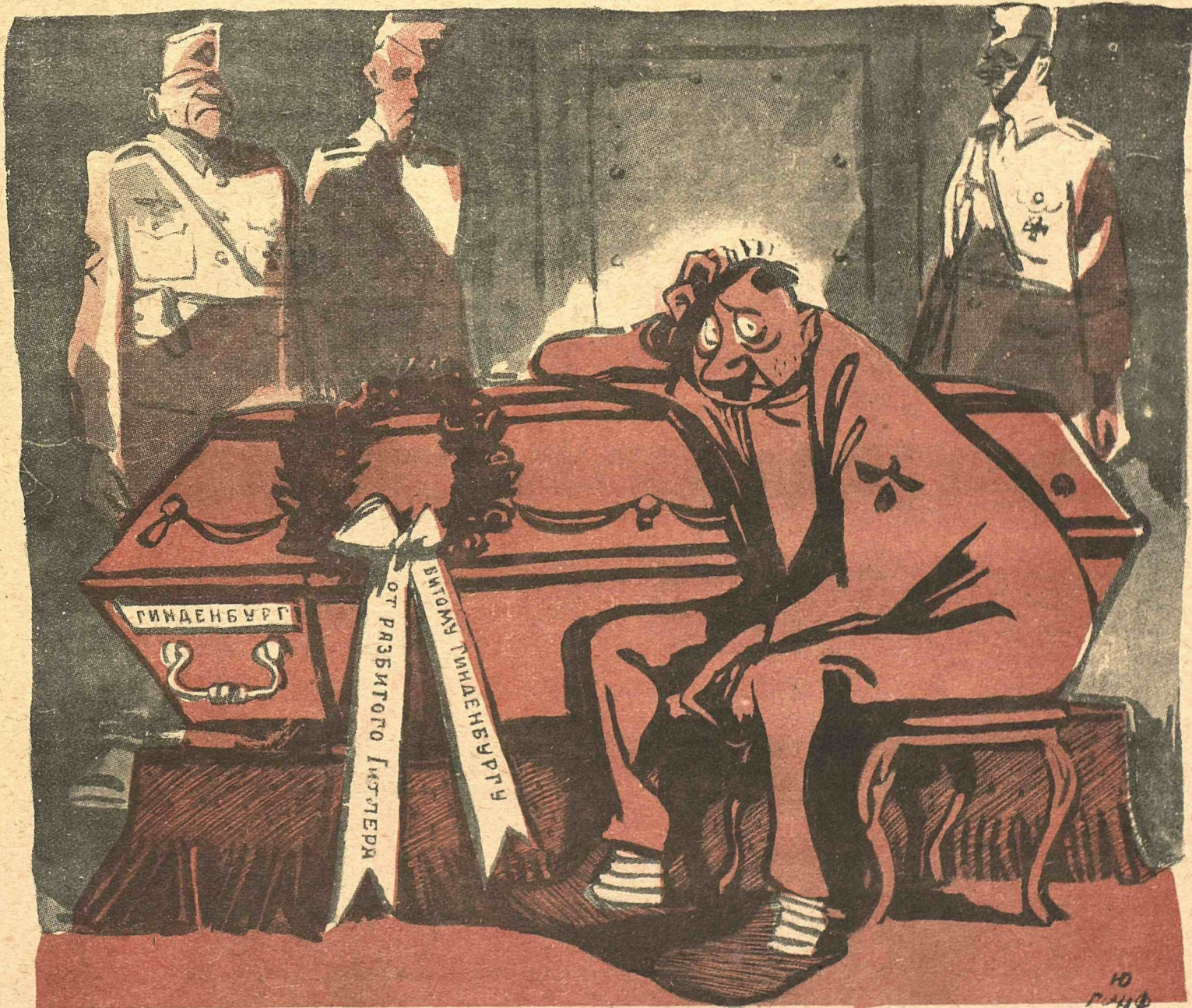
инженер паровозной службы

Хабаровск.

НАДГРОБНАЯ ЭПИТАФИЯ

Рис. Ю. Ганфа

Отступая из Танненберга, немцы разрыли могилу Гинденбурга и увезли с собой гроб с его прахом.

Спящий в гробе мирно спи,
Подыхай, пока живущий!

Ю
Ганфа
45

Рис. В.р. Ефимова

Эфимов В.р. 45.

«Трудно представить себе что-нибудь более унылое, нежели улицы Берлина. Недостатка в движении, конечно, нет (да и не может не быть движения в городе с почти миллионным населением), но это какое-то озабоченное, почти вымученное движение, как будто всем этим двигающимся назад и вперёд людям до смерти хочется куда-то убежать».

ПЕСЕНКА

Это было в горсаду:
Он идёт, и я иду.
Шли и шли тенистым садом
И пошли случайно рядом.
Ну, и стали узнавать,
Как друг друга называть:

— Можно Сашей, можно
Шурой.
— Можно Машей, можно
Мурой.

Значит, будемте знакомы.

А потом пошли в кино мы,
На картину не глядели:
Тесно дышечком сидели,
И шептались. Но о чём?

Знаю только я да Шура,
Знает только он да Мура,
Знаем только мы вдвоём.

* * *

А потом пришла война.
Разлучила нас она.
Мы прощались на перроне
И смущались посторонних.
Я молчала. Он молчал.

Уж Паровоз на нас сердчал.
Чувствам воли не давали,
Всё в себе переживали,
И когда уже казалось,

Что глазами всё сказалось,
Молвил он четыре слова:
«Ладно,
Мура,

будь здорова...»
И ещё одно. О нём
Знаю только я да Шура,
Знает только он да Мура,
Знаем только мы вдвоём.

* * *

Если долго писем нет,
Мне не светел белый свет.
У меня от беспокойства

Вроде нервного расстройства:
Тигра лютого лютей
Я кидаюсь на людей.
Но придёт письмо — и снова
Я весь мир обнять готова
И читаю раз по двести
Сердце греющие весте.
Об успехах энской части,
И о нашем близком счастье,
И ещё о том, о чём
Знаю только я да Шура,
Да военная цензура,
Знаем только мы втроём.

Мих. ВОЛЬГИН

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ: Д. ЗАСЛАВСКИЙ, В. КАТАЕВ, КУКРЫНИКОВ (М. КУПРИЯНОВ, П. КРЫЛОВ, Н. СОКОЛОВ), Г. РЫКЛИН (отв. редактор). Рукописи не возвращаются.
В.р. Адрес ред.: Москва, 40, Ленинградское шоссе, ул. «Правды», 24; тел. Д 3-32-50, Д 3-33-47. Приём ежедн. с 1 до 5 часов. Подписная цена на журнал — 3 р. 20 к. в месяц.

Изд-во ЦК ВКП(б) «Правда».

Сдан в печать Москва, 1945 г. Изд. № 32. Подписано к печати 26/II 1945 г. Статформат 72x105 см. Печ. л. 1. Кол. экз. в 1 печ. л. 78 000.
А5465. Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, ул. «Правды», 24. Заказ № 489. Тираж 100.000 экз.